

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

LANGUAGE SITUATION

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-05>ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В УЗБЕКИСТАНЕ: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ И
ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА

УДК 81'26, 81'272

Маргарита Р. Галиева Узбекский
государственный
университет мировых
языков,Ташкент, Республика
Узбекистан**Аннотация**

В статье рассматривается функционирование татарского языка на территории Республики Узбекистан, выявляется специфика лексико-семантической интерференции в локальном варианте татарского языка, а также социальные факторы, являющиеся предпосылками языкового сдвига. Актуальность исследования обусловлена активными процессами билингвизма и языковой ассимиляции, характерными для татарской общины Узбекистана. В ходе анализа эмпирического материала выявлено, что лексико-семантическая интерференция проявляется в следующих явлениях: 1) изменения в значении слов под влиянием формально схожих слов узбекского языка; 2) замена некоторых татарских лексем широко употребляемыми и распространенными в межэтнической коммуникации узбекскими лексемами; 3) активное кодовое переключение в рамках одного предложения; 4) использование широкого пласта узбекских реалий, представляющих собой семантические лакуны в исконно татарском языке; 5) расширение или сужение семантики ряда лексем. В условиях доминирования узбекского языка как государственного и русского как языка межнационального общения татарский язык сохраняется преимущественно как язык семейно-бытовой коммуникации и культурной идентичности под воздействием демографического фактора и ассимиляционного фактора, включающего урбанизацию, межэтнические браки, способствующие утрате национальной идентичности, фактора востребованности языка и фактора частичной неграмотности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: татарский язык, узбекский язык, интерференция, кодовые переключения, лексико-семантический языковой сдвиг, фактор, социальный, культурный

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Маргарита Р. Галиева, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-05>

THE TATAR LANGUAGE IN UZBEKISTAN: PECULIARITIES OF INTERFERENCE AND FACTORS OF LANGUAGE SHIFT

UDC 81'26, 81'272

Margarita R. Galieva
Uzbekistan State University
of World languages,

Tashkent,
Republic of Uzbekistan

Abstract

The article examines the functioning of the Tatar language in the Republic of Uzbekistan, identifies the specific features of lexical-semantic interference in the local variety of Tatar, and considers the social factors that create the preconditions for language shift. The relevance of the study is determined by the active processes of bilingualism and linguistic assimilation characteristic of the Tatar community in Uzbekistan.

The analysis of empirical material shows that lexical-semantic interference is manifested in the following phenomena: (1) changes in word meanings under the influence of formally similar Uzbek words; (2) the replacement of certain Tatar lexemes by widely used Uzbek lexemes common in interethnic communication; (3) frequent code-switching within a single sentence; (4) the use of a broad range of Uzbek culture-specific terms representing semantic lacunae in the Tatar language; and (5) the semantic broadening or narrowing of a number of lexemes.

Under conditions in which Uzbek dominates as the state language and Russian functions as a language of interethnic communication, Tatar is preserved primarily as a language of family and everyday communication and as a marker of cultural identity. Its position is shaped by demographic and assimilatory factors, including urbanization and interethnic marriages that contribute to the erosion of national identity, as well as by the limited instrumental demand for the language and partial literacy in Tatar.

KEYWORDS: the Tatar language, the Uzbek language, interference, code switching, lexical-semantic, language shift, factor, social, cultural

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Margarita R. Galieva, 2026

1| Введение

Исторические связи между татарским и узбекским народами формировались на протяжении многих веков и обусловлены общими тюркскими корнями и религиозной принадлежностью, а также политической общностью, восходящей к эпохе Золотой Орды, что способствовало формированию и развитию культурных, духовных, образовательных и торговых связей. Многие татары переехали на территорию современного Узбекистана еще в Средневековье, избегая насильственной христианизации; основная волна переселения татар в Узбекистан в качестве учителей, мулл, переводчиков, купцов и ремесленников пришлось на вторую половину XIX века. Татары сыграли заметную роль в развитии как религиозного, так и светского просвещения, книгопечатания, в основании и эволюции реформаторского движения джадидизм [Хамидуллин, 2018]. В настоящее время татары остаются одной из исторически сложившихся этнических групп и значимой частью многонационального общества Узбекистана. В отличие от ряда других диаспор, татарская община не имеет выраженной территориальной изоляции, преимущественно урбанизирована и проживает в основном в Ташкенте. Для ташкентских татар характерна занятость в интеллектуальной сфере (образование, медицина, наука), инженерно-технической деятельности и предпринимательстве.

В лингвистике уже стало аксиомой утверждение о том, что язык является не только инструментом коммуникации, но и средством передачи культуры, хранилищем исторической памяти, духовных ценностей определенного этноса. В этом смысле особая роль принадлежит этническому языку, который способствует формированию культурного самосознания и самоидентификации, особенно в условиях этнокультурного многообразия. Именно поэтому в условиях глобализации проблемы исследования и сохранения этнического языка приобретают особую актуальность, так как его утрата неизбежно ведет к ослаблению культурной преемственности и размыванию национальной идентичности индивидуума. Вместе с тем, любой язык постоянно развивается и подвергается изменениям под влиянием различных социальных факторов, доминирования того или иного языка, билингвизма, способствуя развитию интерференции, которая наиболее ярко отражается в лексической системе и проявляется в активном кодовом переключении, заимствованиях, лексико-семантических нарушениях языковых норм. Однако такие изменения не всегда носят негативный характер, они отражают естественную эволюцию языка, его способность адаптироваться к новым социокультурным условиям.

2 | Теоретические предпосылки исследования

Теоретической основой настоящего исследования выступает социолингвистический подход, в рамках которого язык рассматривается как социально обусловленное явление, функционирование и развитие которого определяется совокупностью как лингвистических (внутриязыковых), так и экстралингвистических факторов: культурных, политических, демографических, исторических, религиозных, образовательных, коммуникативных и др. [Дешериев, 1988; Алпатов, 2024; Беликов, 2001; Баскаков, 1988 и др.]. В этой связи особое значение приобретают исследования языковой ситуации в полиэтнических и многоязычных странах, в частности, в Узбекистане, где языковые процессы тесно связаны с различными культурными, историческими и социально-политическими факторами, в той или иной степени воздействующими на функционирование татарского языка под влиянием доминирующих узбекского и русского языков. Существенную роль в социолингвистических исследованиях играют проблемы, связанные с языковой ситуацией, языковой политикой, языковыми контактами, билингвизмом, интерференцией, языковым сдвигом и др.

В ряду вышеперечисленных проблем одним из центральных понятий является билингвизм, который определяется как «одинаково свободное владение двумя языками» [Аврорин, 1975: 51] или «разные уровни владения языками, начиная от совершенного владения двумя из них и заканчивая слабым владением несколькими» [Sinner, 2001: 128]. Как отмечает М.О. Сергеева, выделяется два вида билингвизма: естественный и искусственный. Естественный билингвизм формируется в условиях непосредственного пребывания индивида в двуязычной языковой среде и основывается на интуитивном, спонтанном усвоении второго языка в процессе повседневной коммуникации. Искусственный билингвизм, напротив, связан с осознанным и целенаправленным изучением второго языка в образовательной среде [Залевская и др., 2002: 7; Сергеева, 2024: 163]. Татары в Узбекистане в основной своей массе являются билингвами, освоившими язык в естественной языковой среде. Билингвизм местных татар, как правило, реализуется в форме татаро-узбекского и татаро-русского билингвизма, нередко переходящего в трилингвизм, проявляющийся в свободном владении татарским, узбекским и русским языками. Распространенность татаро-узбекского билингвизма также обусловлена типологической близостью татарского и узбекского языков, которые относятся к тюркской языковой группе, хотя и принадлежат к разным подгруппам (татарский к кыпчакской, а узбекский к карлукской). Типологические сходства выражены в их агглютинативном строе, характерном порядке слов типа SOV (подлежащее – дополнение – сказуемое), отсутствии категории грамматического рода, развитой системе

словообразовательных суффиксов, использовании послелогов вместо предлогов и др. Так, Д. Сулейманова считает, что типологическое единство тюркских языков проявляется в основном на фонологическом и морфологическом уровнях. На материале татарского и башкирского языка она показывает сохранение общетюркских структурных признаков: агглютинации, морфемной прозрачности и регулярности фонетических процессов [Сулейманова, 2015]. Все это способствует билингвизму татар, который представляет собой устойчивое социалингвистическое явление, сформировавшееся в результате исторической миграции, урбанизации, длительного сосуществования татарской общины с узбекским населением и типологической близости татарского и узбекского языков.

С проблемой билингвизма непосредственно связано понятие языкового сдвига, под которым понимается «процесс и результат утраты этносом этнического языка» [ССТ, 2006: 276], т.е. постепенный переход языкового сообщества от использования родного языка к социально доминирующему языку. Языковой сдвиг сопровождается изменением языковых установок, ослаблением или исчезновением межпоколенческой передачи языка, снижением его функциональности и может приводить к утрате языка. В связи с этим многие исследователи уделяют особое внимание вопросам языковой витальности и подчеркивают необходимость исследования взаимодействия мажоритарных и миноритарных языков, оценки рисков исчезновения миноритарных языков, разработки эффективных мер по сохранению малых языков и т.д. [Nguyen Van Hier, 2024; Захарова, 2025; Рахматуллина, 2025; Волгин, 2022 и др.].

Таким образом, теоретическая база исследования основывается на ключевых положениях современной социалингвистики о социальной обусловленности языковых процессов, динамическом характере языковой ситуации, роли билингвизма в условиях языковых контактов, а также значении социальных факторов в процессах языкового сдвига и сохранения языков. Использование данных положений позволяет осуществить комплексный анализ взаимодействия языка, общества и культуры в условиях современного многоязычного пространства.

Материалом исследования послужили материалы СМИ, «Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года», работы отечественных и зарубежных исследователей об условиях и факторах, способствующих сдвигу языка, сохранению этнических языков. В качестве методологической основы выступает социокультурологический подход, предполагающий изучение языковой ситуации с учетом социальных и культурных факторов, а также методы аналитического, описательного и сравнительного анализа живой речи представителей местных татар. В целях выявления особенностей лексико-семантической интерференции в

локальном варианте татарского языка, а также определения основных факторов сдвига языка были проведены беседы с информантами в возрасте 22–65 лет. Следует отдельно подчеркнуть отсутствие, согласно нашим данным, каких-либо социолингвистических исследований или научных проектов по изучению особенностей татарского языка, функционирующего на территории Узбекистана.

3 | Особенности лексико-семантической интерференции татарского языка на территории Республики Узбекистан

Как известно, Л. Щерба разграничивает «чистое» двуязычие, когда языки не смешиваются при коммуникации и «смешанное» двуязычие, когда переключение языков при общении происходит случайно [Щерба, 1974: 314]. Именно смешанное двуязычие способствует возникновению активной интерференции, что наиболее ярко проявляется в случае с татарско-узбекским билингвизмом, при котором наблюдается активное адстратное взаимовлияние татарского и узбекского языков. В ситуации, когда оба языка регулярно используются в одних и тех же коммуникативных сферах (семья, образование, профессиональная деятельность), происходит не только заимствование отдельных слов, но и более глубокая лексико-семантическая перестройка. В рамках теории языковых контактов [Вайнрайх, 1979; Хауген, 1972; Ярцева, 2025] подобные процессы интерпретируются как результат длительного сосуществования двух тюркских языков в едином территориальном ареале.

Взаимовлияние татарского и узбекского языков наиболее сильно проявляется в лексическо-семантической интерференции, обусловленной гибкостью и подвижностью лексической системы, ее открытостью к социальным и культурным изменениям в отличие от более закрытых и консервативных фонетической и грамматической систем, которые в случае татарского и узбекского языков являются еще и типологически схожими. В связи с этим Ю.Д. Дешериев также подчеркивает, что «постепенные изменения в конститутивных признаках фонетики, морфологии и синтаксиса нельзя непосредственно связывать с развитием общества в данный период, лексика, напротив, во многом непосредственно связана с темпами развития социальной жизни. Появление новых отраслей промышленности, науки, техники и т.д. сразу и непосредственно сказываются на словарном составе соответствующего языка» [Дешериев, 1988: 20].

Лексико-семантическая интерференция в локальном татарском языке в ряде случаев обусловлена межъязыковыми омонимическими отношениями лексем татарского и узбекского

языков. Под межъязыковыми омонимами понимаются «слова двух (или более) контактирующих языков, совпадающие по звуковой или графической форме и различающиеся (в разной степени) по значению» [Лобковская, 2012: 82]; слова, совпадающие по звучанию и по написанию во всех или некоторых грамматических формах (и во всех или некоторых фонетических и графических вариантах) и при этом различающиеся хотя бы по одному из компонентов плана содержания – лексической и грамматической семантике» [Малаховский, 1990: 56]. В теории перевода такие языковые единицы известны под термином «ложные друзья переводчика», которые, как отмечает Л.П. Лобковская, являются особенно коварными в родственных языках [Лобковская, 2012: 82]. Так, например, несмотря на общность происхождения и смыслового компонента, а также идентичной формы, ряд лексем характеризуется различием семантических значений: тат.: *кыйнау* ('бить') – кул яки башка берер нәрсә белән тәнгә күп мәртәбә сугу, тәпәләү [ТТОЛК] – узб.: *qiynamoq* ('мучать') – *jonga ozor berish, aziyat yetkazmoq, azob-uqubatga solmoq* [ЎТИЛ]; тат.: *газаплану* ('мучиться', 'страдать') – Жәфалану, интегү; азаплану, мәшәкәтләнү [ТТОЛК] – узб.: *g'azablanmoq* ('гневаться', 'злиться') – *g'azabi kelmoq, qattiq jahli chiqmoq, g'oyat acchig'lanmoq* [ЎТИЛ]; тат.: *хафа* ('грустить', 'беспокоиться', 'переживать') – борчу, хәсрәт, кайгы, көенеч, эч пошу, тәшвиш [ТТОЛК] – узб.: *xafa bo'lmoq* ('обижаться', 'расстраиваться', 'грустить') – *ranjigan, bezgan, arazlagan* [ЎТИЛ] и др. Зачастую в разговорной речи ввиду близкого звучания и тождественности формы данные лексемы могут вызывать интерференцию в татарском языке, т.е. наблюдается семантический сдвиг, обусловленный исчезновением семы, присущей лексеме в татарском языке и ее заменой семой, присущей узбекскому языку: *Ул миңа газапланди* (рус.: 'Он на меня разозлился'), *Мин хафа булдым* (рус.: 'Я обиделся').

В других случаях лексико-семантическая интерференция возникает при синонимических отношениях лексем татарского и узбекского языков. Так, например, лексемы со значением «жизнь» в татарском и узбекском языке совпадают, однако их семантическое наполнение различается: тат.: *хәят* ('жизнь', 'состояние бытия' – понятие, несущее более философский смысл) – тормыш, яшәеш, тереклек [ТТОЛК], тат.: *тормыш* ('жизнь как уклад', 'быт') – кешенәң жәмгыятьтә яшәү хәле, яшәве; хәят, яшәеш, тереклек [ТТОЛК] – узб.: *hayot* ('жизнь, в том числе уклад жизни') – *yashash, mavjud bo'lish, tiriklik* [ЎТИЛ]; узб.: *turmush* ('ежедневная бытовая жизнь') – *yashash, kun kechirish tarzi, kundalik hayoti* [ЎТИЛ], например, узб.: *turmush sharoitlari* ('бытовые условия') [ЎТИЛ]. Близость значений приводит к созданию устойчивых сочетаний наподобие таких функционирующих в локальном варианте татарского языка, как *хәят тәҗрибәсе* вместо *тормыш тәҗрибәсе* ('жизненный опыт'), *хәятта үз*

урыныңны табу вместо тормышта уз урыныңны табу ('найти свое место в жизни'), хәят сыйфати вместо тормыш сыйфати ('качество жизни').

Лексико-семантическая интерференция также может быть представлена лексическими заменами, при которых нормативная лексема татарского языка заменяется лексической единицей доминирующего языка. Например, в локальном варианте татарского языка при выражении согласия, одобрения особенно среди молодежи используются широко распространенные в повседневной коммуникации лексемы узбекского языка *хон*, *майли* (хорошо, ладно) вместо тат. *ярар*. Например: – *Иртәгә сәгать унда килегез.* – **Хон**, килем ('Приходите завтра в 10'. – 'Хорошо'); – *Хон дип әйтә алмыйсыңмы?* ('Ты не можешь просто согласиться?'); – *Иртәгә базарга барабызмы?* – **Майли**, барабыз (– 'Пойдём завтра на базар?' – 'Ладно, пойдём'). Данные дискурсивные маркеры легко интегрируются в татарскую синтаксическую структуру, не подвергаясь морфологическим изменениям.

Интересным также является и то, что в некоторых случаях происходит дублирование дискурсивного маркера *майли* и татарского *ярар* в рамках одного предложения, например: – *Иртәгә базарга барабызмы?* – **Майли, ярар** (– 'Пойдём завтра на базар?' – 'Ладно, пойдём'). Следует отметить, что узбекские частицы *хон*, *майли* кроме лексического значения согласия также имеют и прагматическо-стилистическое значение: *майли* как маркер уступки, *хон* – как маркер бесспорного согласия, что является весьма важным при исследованиях национально-культурной специфики языковых единиц. Примерами таких лексических замен могут быть следующие: а) дискурсивные маркеры просьбы: *илтимос* (пожалуйста) вместо тат. *зинһар* (скорее всего, обусловленное наличием в узбекском языке лексемы *zinhor* в значении 'ни в коем случае, абсолютно нельзя'); б) обозначения терминов родства: *ука* ('младший брат') вместо тат. *энем*; *невара* ('внук, внучка') вместо тат. *онык*; в) узбекские глаголы, которые зачастую фонетически и морфологически подстраиваются под фонетику и грамматику татарского языка: *табриклийм* (от узб. *табриклайман* – 'поздравляю') вместо *котлыим*, *танлийм* от узб. *танлайман* – 'выбираю', вместо тат. *сайлийим*, *чидыйим* (от узб. *чидайман* – 'я терплю') вместо *тузам*, *шошам* (от узб. *шошиламан* – 'тороплюсь') – "*ашыгам*" и т.д. Их активное использование в татарском языке обусловлено высокой частотностью применения в межэтнической коммуникации. Кроме того, некоторые узбекские эквиваленты этих лексем, например *oshiqmoq* ('торопиться'), *qo'tlamoq* ('поздравлять') воспринимаются в узбекском языке как архаическая или возвышенная лексика.

Как известно, билингвизм также способствует появлению явления кодового переключения, при котором говорящий свободно комбинирует элементы двух языков в

пределах одного выражения. Это ведет к закреплению отдельных заимствованных слов в активном словаре. В результате меняется частотность употребления слов, может наблюдаться семантический сдвиг. Так, в повседневной речи локального татарского языка переключение кодов проявляется в спонтанном переключении с одного языка на другой и обратно в рамках одного предложения. Например: *Махаллябезда буген жыелыш була* (рус.: 'В нашем сообществе/квартале сегодня будет собрание'); *Арык янында утырыйк* (рус.: 'Давай сядем у оросительного канала'); *Иртәгә махаллябезга шәһәр хокими киле* (рус.: 'Завтра в наш квартал/сообщество придет мэр города'); *Туган көнең билан табриклийим!* (рус.: 'Поздравляю с днем рождения').

Следует отметить, что переключение кодов преимущественно остается на уровне речевой реализации в локальном татарском языке. Их устойчивость объясняется высокой частотностью использования в повседневной устной речи и межэтнической коммуникации на территории Узбекистана. Зачастую переключение кодов может вызывать межкультурное недопонимание при общении татар, проживающих локально, и «коренных» татар из Татарстана, которые не знакомы с определенными лексемами (реалиями, понятиями и др.) или не улавливают дополнительные семантические оттенки или стилистические особенности используемых интерферированных лексем в речи татар Узбекистана. Следует также отметить, что данные лексемы не переходят в языковую систему официального литературного татарского языка, что объясняется рядом причин: 1) территориальной ограниченностью локального татарского языка, используемого на территории Узбекистана; 2) отсутствием научных или литературных произведений, создаваемых на локальном варианте татарского языка; 3) отсутствием специальных лингвистических исследований и разработок по локальному варианту татарского языка.

Как известно, одним из основных способов проявления интерференции является заимствование слов, т.е. переход элементов одного языка в систему другого как следствие более или менее длительных контактов между этими языками» [Крысин, 1968: 6]. С.В. Ярцева отмечает, что заимствования являются не только средством интерференции, но и способом обогащения языка [Ярцева, 2025].

Так, в татарский язык, функционирующий на территории Узбекистана, проникло заметное количество узбекской лексики, обозначающей этнографические, природные, географические и иные явления, характерные для центральноазиатского региона.

Прежде всего, значительный пласт заимствований связан с обозначением административно-территориальных и архитектурных объектов, элементов городской

инфраструктуры. Это связано с тем, что многие понятия, отражающие образ жизни и особенности узбекского города, типы жилых и архитектурных построек, не имели точных соответствий в татарском языке. К таким заимствованиям можно отнести следующие: *махалла* (от узб. *mahalla* – ‘традиционная соседская община’), *кишлак* (от узб. *qishloq* – ‘деревня’, используемый вместо традиционного татарского слова *аул*); *хаким*, *хакимият* (от узб.: *hokim*, *hokimiyat* – ‘мэр города, мэрия’); *ховли* (узб.: *hovli* – ‘собственный дом с прилегающим участком’), *айван* (узб. *ayvon* – ‘закрытая терраса с одной открытой стороной, выходящей во двор, используемая для защиты от жары, для отдыха’), *балахона* (от узб.: *boloxona* – ‘легкая надстройка над первым этажом’) и т.д.

Многие такие лексемы заполняют семантические лакуны в татарском языке, в котором отсутствует точный эквивалент этих понятий. Например, понятие «махалла» имеет расширенный социально-культурный смысл, выходящий за пределы нейтральной лексемы «квартал». Махалла – в узбекском культурном контексте – это не только территориальная единица, а форма общины, играющая роль социального центра, основанного на взаимопомощи и взаимоподдержке соседей, участвующего в организации свадеб, похорон, национальных праздников, в решении социальных и семейных вопросов и проблем и т.д. Следует отметить, что в процессе заимствования данной лексемы она подвергается фонетической трансформации и приобретает фонетические особенности татарского языка, в котором узбекский звук а [ʌ] заменяется татарским /ə/ и проносится как *махаллә*.

Природная и климатическая лексика также подверглась существенному влиянию. Переселение татар в регионы с иным ландшафтом, растительным миром и аграрными традициями обусловило возникновение наименований, связанных с особенностями ирригационной деятельности, земледелия, сельскохозяйственными культурами, произрастающими в условиях жаркого климата: *пахта* (узб.: *pahta* – ‘хлопок, хлопок-сырец, вместо традиционного татарского *мамык*), *янтэк* (от узб.: *yantoq* – ‘верблюжья колючка’), *гуза* – (от узб.: *g'o'za* – ‘хлопчатник’, *гузаяна* (от узб.: *g'o'zapoya* – ‘стволы хлопчатника, используемые в качестве топлива после сбора урожая’), *гармсел* – (от узб.: *garmsel* – ‘горячий ветер, дующий из пустыни’). Подобные лексемы отражают специфику природной среды, отличной от Поволжья и Приуралья, где исторически формировался татарский этнос.

Языковые контакты способствовали активному проникновению слов, обозначающих этнографические реалии. Лексемы, связанные с наименованиями блюд (*мастава* – ‘рисовый суп’, *сумалак* – ‘блюдо из проросших перемолотых зерен пшеницы и муки, которое традиционно готовится во время Навруза’); предметов домашнего обихода (*хантахта* –

‘низкий стол, предназначенный для приема пищи или работы’, *курпача* – ‘матрас для сидения’), бытовых устройств (*тандыр* – ‘глиняная печь-жаровня, используемая для выпечки лепешек или самсы’, *санда* – ‘углубление в полу с углями, накрытое столом и одеялом’); элементов национальной одежды (*атлас*, *адрас* – ‘ткань из шелка, из которой шьется национальная узбекская одежда’); названия музыкальных инструментов (*карнай-сурнай* – ‘духовые музыкальные инструменты, часто звучащие в паре на свадьбах и праздниках’) и др. Большинство этих заимствований настолько укоренились в локальном варианте татарского языка, что со временем стали неотличимыми от его исконных лексических единиц.

Следует отметить, что в некоторых случаях происходит семантический сдвиг, связанный с расширением или сужением значения используемых лексем татарского и узбекского языка в локальном варианте татарского языка. Так, например, лексема *пахта* используясь в местном татарском языке семантически приобретает значение ‘хлопок-сырец’, ‘хлопковая вата’, ‘хлопковое волокно’, ‘изделие из хлопка’, а татарский эквивалент *мамык* используется в основном в значении ‘очень мягкий’, например, тат. *мамык чәч* (‘мягкие тонкие волосы’).

Следующим примером семантического сдвига является узбекская лексема *osh palov* и татарские лексемы *аш*, *пылау*. В современном узбекском языке лексема *osh* зачастую выступает синонимом лексемы *palov* (‘плов’). В узбекской культуре *osh* – это не просто блюдо, а традиционное торжественное национальное блюдо узбекского народа, имеющее социокультурное значение. Плов готовится при встрече гостей, организации семейных, благотворительных, общественных мероприятий, за день до начала и в день окончания праздников Рамазан и Курбан. Кроме того, *osh* готовится при проведении различных торжеств, например, *nahorgi osh* – утренний плов для мужчин (при свадьбе, похоронах), *тўй оши* – свадебный плов, *choyxona osh* – плов, готовящийся для мужчин во время проведения ежемесячных встреч коллег или друзей, *payshanba osh* – готовится по четвергам в семье и др. В локальном варианте татарского языка лексема *ош* приобретает культурно маркированное значение – «узбекский плов с традиционным способом приготовления», *пылау* же воспринимается как более общий или домашний вариант блюда, а татарская лексема *аш* используется в своем прямом значении «обычная пища, еда, суп».

Семантическому сдвигу расширения в местном варианте татарского языка также подвержена лексема *чайханә*. В локальном варианте *чайхана* (узб.: *choyxona*) ассоциируется с традиционным мужским общественным пространством [Сагитов, 2021]. Это место общения, отдыха и обсуждения различных вопросов. Обычно чайхана находится в уютном месте в тени деревьев, у воды. В настоящее время чайхана также имеет значение «ежемесячное мужское

застолье», на которое собираются мужские компании друзей или коллег, однокурсников и т.д. Ввиду урбанизации и индустриализации в крупных городах в качестве места проведения таких встреч наряду с чайханой может выбираться и любой ресторан.

4| Социальные факторы, ведущие к языковому сдвигу

В условиях доминирования узбекского как государственного и русского как языка межнационального общения наблюдается постепенное сокращение и сужение сфер активного использования татарского языка. В социолингвистике подобные процессы рассматриваются как один из механизмов языкового сдвига, при котором доминирующий язык межэтнического общения начинает вытеснять язык меньшинства. Этому способствует несколько факторов, главными из которых являются демографический, ассимиляционный и фактор востребованности языка.

4.1 Демографический фактор

Демография татарского населения связана с его активной миграцией в основном в РФ, в частности, в Татарстан. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, в Узбекской ССР проживало 467 829 татар. Они составляли около 2,4% от общего населения республики [Итоги Всесоюзной переписи...]. Численность татар Ташкента по данным Госкомстата РУз в 2000 году была равна 324 080 человек, что составило примерно 1,33% от общего количества населения. По состоянию на 1 января 2021 года численность татар составила 187,3 тысячи человек, что составляет 0,7% населения [Данные об этническом...].

4.2 Ассимиляционный фактор

В условиях длительного сосуществования двух тюркских народов формируется модель интеграции, которая в ряде случаев перерастает в языковую ассимиляцию, обусловленную урбанизацией, возрастающей долей смешанных браков и сопровождающуюся потерей национальной идентичности.

В ассимиляционных процессах существенную роль играет урбанизация. Основная часть татарского населения проживает в Ташкенте, Бухаре, Джизаке, Карши. В городах межэтнические контакты более интенсивны, усиливается потребность в использовании языка большинства. В результате отсутствия районов компактного проживания татар и отдельного проживания молодежи от родителей происходит сужение коммуникативной среды и ослабление механизмов межпоколенческой передачи татарского языка.

Межэтнические браки также являются одним из значимых факторов влияния на сокращение использования татарского языка и часто способствуют его постепенной утрате. В

смешанных татаро-узбекских или татаро-русскоязычных семьях выбор языка повседневного общения обычно определяется либо доминирующим в семье языком, либо русским как языком межнационального общения. В результате татарский язык утрачивает позицию языка первичной социализации ребенка, так как дети общаются и взаимодействуют преимущественно в русскоязычной или узбекоязычной среде.

Дополнительным фактором является образовательная среда, так как обучение в узбекских или русских школах закрепляет доминирующий язык как основной инструмент когнитивного и профессионального развития. В результате ассимиляционные процессы сопровождаются и изменением языковой идентичности. Представители молодого поколения идентифицируют себя как татары по происхождению, однако в повседневной жизни используют исключительно русский или узбекский языки. Язык в данном случае перестает быть ключевым маркером идентичности, уступая место культурным традициям или семейной памяти.

4.3 Степень востребованности языка

Немаловажным аспектом является востребованность и престижность татарского языка. Узбекский язык как государственный и русский как язык межнационального общения обладают более широкими социальными возможностями. Если старшее поколение активно использует татарский язык в семейно-бытовой коммуникации, то среднее и особенно молодое поколение всё чаще предпочитает русский или узбекский язык. Постепенно татарский язык ограничивается рамками внутрисемейного общения, а затем и вовсе вытесняется из повседневной практики. Кроме того, в условиях нарастающей глобализации и престижности знания английского языка молодежь в первую очередь старается выучить именно этот язык, так как знание английского создает более широкие перспективы, связанные с образованием и карьерой не только в республике, но и за рубежом. Татарский язык, используемый в основном в семейно-бытовой коммуникации, не имеет серьезной востребованности, что объективно снижает мотивацию к его активному использованию.

4.4 Фактор частичной неграмотности

В условиях существования татарского языка как языка меньшинства часто формируется ассиметричный билингвизм, при котором устная компетенция сохраняется, тогда как письменная постепенно утрачивается. Подобная ситуация наблюдается у среднего поколения и молодежи, у которых владение татарским языком ограничивается преимущественно разговорной практикой в семейно-бытовой сфере, тогда как навыки чтения и письма остаются недостаточно сформированными (т.е. носители языка испытывают

затруднения при чтении текстов, не владеют орфографическими нормами, не способны к письменному самовыражению) или отсутствуют вовсе.

С социалингвистической точки зрения подобная асимметрия связана с востребованностью языка в обществе. В условиях, когда обучение, образование, работа, письменная коммуникация осуществляется на узбекском или русском языках, татарский язык не закрепляется в письменной форме. Подобное расхождение между устной и письменной формами языка имеет несколько последствий. Во-первых, ограничивается доступ к национальному культурному наследию, во-вторых, ослабляется нормативная база языка: при отсутствии навыков чтения носители ориентируются преимущественно на разговорные варианты, что способствует усилению интерференции и проникновению элементов доминирующего языка, в-третьих, снижается востребованность языка у молодого поколения, поскольку он воспринимается как нефункциональный, бесполезный в академической и профессиональной сфере.

5 | Факторы, способствующие сохранению татарского языка в условиях диаспоральных отношений

5.1 Создание социокультурной атмосферы

Ключевым условием сохранения языка выступает культурная поддержка татар, проживающих на территории Узбекистана. Политика межнационального согласия в Узбекистане создает благоприятную основу для развития культурных центров. При наличии организационной инфраструктуры (национально-культурные центры, культурные мероприятия) язык получает публичное пространство функционирования, что усиливает его престижность и социальную значимость. Так, в рамках поддержки национальных культур в 1990 году был создан Татарский общественный культурно-просветительский центр города Ташкента, координирующий деятельность региональных отделений и выступающий ключевым институтом сохранения этнокультурной идентичности. Основными направлениями деятельности центра являются поддержка изучения татарского языка, установление и развитие связей с Татарстаном и татарскими образовательными, научными, экономическими учреждениями, организация культурных мероприятий (Сабантуй, концерты, фестивали национальной одежды и кухни), проведение круглых столов, посвященных татарской истории и культуре татар, развитие молодежных программ. Культурный центр имеет свой сайт <https://www.tatarlar.uz/> и каналы в социальных сетях.

Большую роль также играет открытое в 1993 году Представительство Республики Татарстан в Республике Узбекистан, которое осуществляет сотрудничество по вопросам, касающимся торговли, финансово-кредитной деятельности, инвестиций, научных и культурных контактов, разного рода обменов, туризма, содействия в развитии национальной культуры и языка, сохранения самобытности татар, проживающих в Республике Узбекистан [Представительство Республики Татарстан...].

30 ноября 2022 году на базе Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека состоялось открытие образовательно-культурного центра НОЦ «Институт Каюма Насыри» Казанского федерального университета. Центр создан в целях поддержки, популяризации и развития татарского и русского языков и национальных культур. В рамках работы образовательно-культурного центра Института Каюма Насыри проводятся совместные вебинары, видеоконференции и лекции специалистов КФУ, бесплатные онлайн-занятия по изучению татарского языка, конкурсы и культурно-просветительские мероприятия и т.д. [Образовательно-культурный центр...]

5.2 Языковая лояльность

Формирование языковой лояльности у татар Республики Узбекистан как этнического меньшинства представляет собой стратегическую задачу языковой политики. Языковая лояльность определяется как «совокупность внутренних оценок членов языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса, которая определяет степень их приверженности к данному языку. Языковая личность проявляется, в частности, в признании родным своего этнического языка, в выборе его в качестве языка обучения, языка общения» [ССТ, 2006: 261–262]. В условиях доминирования узбекского и русского языков формирование устойчивой лояльности к татарскому языку требует системной и многоуровневой работы. На наш взгляд, прежде всего необходима символическая легитимация татарского языка как культурной ценности. Язык должен осмысляться не только как средство бытового общения, но и как носитель культурной памяти, исторического и интеллектуального наследия. Акцентуация вклада татарских мыслителей и просветителей, таких как Ш. Марджани, Муса Джалиль, Габдулла Тукай, художников Баки Урманче, Тахир Ильясов и др. в мировую культуру способствует укреплению представления о высоком статусе татарского языка и культуры. Следует также чаще освещать страницы истории татарского народа и вклад татарского народа в международную культуру, в частности, в культуру Узбекистана, в которой татары играли заметную роль. Подчеркивание вклада татарской общины в развитие науки, образования, издательского дела и искусства на

территории современного Узбекистана усиливает ощущение исторической укорененности и легитимности присутствия диаспоры в данном социокультурном пространстве.

5.3 Формирование позитивной языковой среды для преодоления языковой тревожности

Одним из характерных явлений в среде татарской молодежи, проживающей на территории Узбекистана, становится формирование устойчивого психологического барьера при использовании татарского языка. В ситуации, когда локальный вариант татарского языка формируется под влиянием узбекского и русского языков, молодежь осознает наличие отклонений от литературной нормы – фонетических, лексических и морфологических. Осознание собственной «ненормативности» усиливается в контакте с представителями старшего поколения и татар, прибывших из исторических регионов распространения татарского языка. Старшее поколение, владеющее более консервативной и нормативной формой языка, нередко демонстрирует критическое отношение к «смешанной» речи молодежи. В результате возникает внутренний конфликт между этнической идентичностью и ощущением языковой недостаточности. Психолингвистически данный барьер связан с феноменом языковой тревожности (language anxiety), описываемый как эмоциональное напряжение, чувство неуверенности, стеснения и коммуникативного дискомфорта, возникающее при необходимости использования языка [Санакоева, 2022].

Осознание своей речи как «неправильной» приводит зачастую к полному переходу на доминирующий язык общения или к сознательному избеганию родного языка в публичных ситуациях. В результате сокращается сфера активного использования языка, усиливаются процессы языкового сдвига, поскольку доминирующий язык оказывается психологически «безопаснее» и социально нейтральнее. Таким образом, проблема выходит за рамки индивидуальной неуверенности и приобретает характер социокультурного вызова. Преодоление данного барьера возможно через формирование позитивной языковой среды, в которой локальный татарский язык не воспринимается как имеющий дефекты, а рассматривается как закономерный результат языкового контакта.

6 | Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что функционирование татарского языка в Республике Узбекистан определяется сложным комплексом исторических, социокультурных и лингвистических факторов, сформировавшихся в условиях длительного

межкультурного взаимодействия татарского и узбекского народов. Межэтнические контакты, имеющие многовековую историю, обусловили взаимное обогащение культур.

Татарское население характеризуется билингвизмом, преимущественно в формах татаро-узбекского и татаро-русского билингвизма, которые нередко трансформируются в трилингвизм, включающий в себя татарский, узбекский и русский языки. Лексико-семантическая интерференция выражается в следующих явлениях: 1) изменение в значении слов под влиянием формально схожих слов узбекского языка; 2) замена некоторых татарских лексем широкоупотребляемыми и распространенными в межэтнической коммуникации узбекскими лексемами; 3) активное кодовое переключение в рамках одного предложения; 4) использование широкого пласта узбекских реалий административно-территориального, климатического, природного, этнографического типа; 5) расширение или сужение семантики ряда лексем. В результате формируется своеобразный локальный вариант татарской речи, характеризующийся активным переключением кодов. Со временем часть подобных единиц утрачивает ощущение «чужеродности» и воспринимается как естественный компонент локального варианта татарского языка.

Социальные факторы, действующие в условиях доминирования узбекского и русского языков, создают предпосылки для постепенного языкового сдвига. К числу таких факторов относятся: а) демографический фактор; б) ассимиляционный фактор, включающий урбанизацию и межэтнические браки, способствующие изменению языковой идентичности; в) фактор востребованности языка; г) фактор частичной неграмотности. В результате татарский язык, особенно среди людей среднего возраста и молодого поколения, постепенно утрачивает позиции и закрепляется преимущественно в семейно-бытовой коммуникации. Для сохранения татарского языка следует уделить большое внимание его культурной поддержке (общественные культурные центры, проведение культурных мероприятий), реализации стратегий языковой лояльности (повышение культурной значимости языка как ценности, формирование позитивной языковой среды).

Таким образом, межкультурное взаимодействие татарского и узбекского народов характеризуется взаимным влиянием, однако в социолингвистическом аспекте оно сопровождается асимметрией статуса языков. Лексико-семантическая интерференция отражает глубину контактов и адаптационные процессы в татарском языке, тогда как социальные трансформации усиливают, обуславливают и углубляют языковой сдвиг.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврорин В. А. (1975) Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л.: Наука. 276 с.
- Алпатов В. М. (2024) Социолингвистика. М.: Лань. 416 с.
- Баскаков А. Н. (1988) Социальные факторы в их воздействии на лексико-семантическую систему языка (на материале лексики тюркских языков) // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / отв. ред. Ю. Д. Дешериев, Л. Н. Крысин. М.: Наука. С. 110–124.
- Беликов В. И., Крысин Л. П. (2001) Социолингвистика. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т. 439 с.
- Вайнрайх У. (1979) Языковые контакты. Киев: Вища школа. 263 с.
- Волгин В. Л. (2022) Особенности гражданских инициатив поддержки калмыцкого языка в ситуации его кризиса // Социолингвистика. № 4 (12). С. 29–44. DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-29-44
- Данные об этническом составе населения Узбекистана (2021). Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/20/ethnic-groups/> Дата обращения: 11.03.2026.
- Дешериев Ю. Д. (1988) Теоретические аспекты изучения социальной обусловленности языка // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / отв. ред. Ю. Д. Дешериев, Л. Н. Крысин. М.: Наука. С. 5–40.
- Залевская А. А., Медведева И. Л. (2002) Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. Тверь: Тверской гос. ун-т. 194 с.
- Захарова А. Е., Маклашова Е. Г. (2025) Язык как ресурс витальности коренных малочисленных народов Якутии (на материалах социологических исследований) // Социолингвистика. № 1 (21). С. 92–117. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-21-92-117>
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Режим доступа: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/1989/>; <https://www.prilib.ru/section/682312> Дата обращения: 11.03.2026.
- Крысин Л. П. (1968) Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука. 284 с.
- Лобковская Л. П. (2012) О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина «ложные друзья переводчика») // Вестник Челябинского государственного университета. № 20 (274). Филология. Искусствоведение. Вып. 67. С. 79–87.
- Малаховский Л. В. (1990) Теория лексической и грамматической омонимии. Л.: Наука. 240 с.
- Образовательно-культурный центр НОЦ «Институт Каюма Насыри» Казанского федерального университета. Режим доступа: <https://kpfu.ru/philology-culture/ikn/obrazovatelno-kulturnyj-centr-v-g-tashkent/obrazovatelno-kulturnyj-centr-v-g-tashkent-423942.html> Дата обращения: 11.03.2026.
- Представительство Республики Татарстан в Республике Узбекистан. Режим доступа: <https://prtuz.tatarstan.ru/about.htm> Дата обращения: 11.03.2026.
- Рахматуллина З. Я., Бускунбаева Л. А., Ягафарова Г. Н. (2025) Культура речи как актуальная социальная потребность в современном российском обществе // Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов): сборник научных статей / отв. ред. З. Я. Рахматуллина. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН. С. 5–14.
- Сагитов Р. (2021) Чайхана как место общения представителей всех национальностей и религий, как уникальный культурно-этнографический феномен в деле укрепления межрелигиозного согласия. Режим доступа: <https://nuz.uz/2021/11/21/chajhana-kak-mesto-obshheniya-predstavitelej-vseh-naczionalnostej-i-religij-kak-unikalnyj-kulturno-etnograficheskij-fenomen-v-dele-ukrepleniya-mezhreligioznogo-soglasiya/> Дата обращения: 11.03.2026.

- Санакоева З. Г. (2022) Обзор понятия «языковая тревожность»: определение, классификация, влияние, оказываемое на изучающих иностранный язык // Мир науки, культуры, образования. № 1 (92). С. 108–110.
- Сергеева М. О. (2024) Обзор существующих опросников для определения уровня владения билингвом вторым (неродным) языком // Социоллингвистика. № 4 (20). С. 161–177. DOI: 10.37892/2713-2951-4-20-161-177
- Словарь социоллингвистических терминов (2006) / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.
- Сулейманова Д. Д. (2015) Типология тюркских (на примере татарских и башкирских) и баскских фонологических систем // Филологические науки. № 6 (48): в 2 ч. Ч. II. С. 166–168.
- Толковый словарь татарского языка (2015–2021): в 6 т. Изд-во АН РТ. Режим доступа: <https://suzlek.antat.ru/indexR.php> Дата обращения: 11.03.2026.
- Хамидуллин Б. Л. (2018) Узбекские татары: знаменитые просветители, первые печатники и строители-комсомольцы. Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/117588-istoriya-tatarskoy-diaspory-uzbekistana?ysclid=l2gc4oi2kr> Дата обращения: 11.03.2026.
- Хауген Э. (1972) Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. М.: Прогресс. С. 61–80.
- Щерба Л. В. (1974) Языковая система и речевая деятельность. Л. 432 с.
- Ярцева С. В. (2025) «Спанглиш» как явление языковой интерференции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент. 50 с.
- Nguyen Van Hiep (2024) Sociolinguistic analyses of the Bru-van Kieu language and script: usage and speakers' attitudes // Sociolinguistics. № 4 (20). P. 9–27. DOI: 10.37892/2713-2951-8-20-9-27
- Sinner C. (2001) Zur Terminologie in der Sprachkontaktforschung // Gerda Haßler: Sprachkontakt und Sprachvergleich. Münster. S. 125–152.
- Ўзбек тилининг изоҳли луғати: икки томли. 60 000 сўз ва сўз бирикмаси (1981) / С. Ф. Ақобиров, Т. А. Алиқулов, С. И. Иброҳимов ва б.; З. М. Маъруфов таҳрири остида. М.: Рус тили. Т. 1. 632 с.; Т. 2. 715 с.

REFERENCES

- Avrorin, V.A. (1975) *Problemy izucheniya funktsional'noy storony yazyka (k voprosu o predmete sotsiolingvistiki)* [Problems of studying the functional aspect of language (on the subject of sociolinguistics)]. Leningrad: Nauka. 276 p. (In Russian).
- Alpatov, V.M. (2024) *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: Lan'. 416 p. (In Russian).
- Baskakov, A.N. (1988) *Sotsial'nye faktory v ikh vozdeystvii na leksiko-semanticheskuyu sistemu yazyka (na materiale leksiki tyurkskikh yazykov)* [Social factors and their impact on the lexical-semantic system of language (based on the vocabulary of Turkic languages)]. In: *Vliyanie sotsial'nykh faktorov na funktsionirovanie i razvitie yazyka* [The influence of social factors on the functioning and development of language]. Edited by Yu.D. Desheriev and L.N. Krysin. Moscow: Nauka, pp. 110–124. (In Russian).
- Belikov, V.I. and Krysin, L.P. (2001) *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: Russian State University for the Humanities. 439 p. (In Russian).
- Vaynraykh, U. (1979) *Yazykovye kontakty* [Language contacts]. Kyiv: Vyshcha shkola. 263 p. (In Russian).
- Volgin, V.L. (2022) *Osobennosti grazhdanskikh initsiativ podderzhki kalmytskogo yazyka v situatsii ego krizisa* [Features of civic initiatives supporting the Kalmyk language in the context of its crisis], *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], no. 4(12), pp. 29–44. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-12-29-44>. (In Russian).

- Dannye ob etnicheskom sostave naseleniya Uzbekistana* [Data on the ethnic composition of the population of Uzbekistan]. (2021). Available at: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/20/ethnic-groups/> (Accessed: 11 March 2026). (In Russian).
- Desheriev, Yu.D. (1988) *Teoreticheskie aspekty izucheniya sotsial'noy obuslovlennosti yazyka* [Theoretical aspects of studying the social conditioning of language]. In: *Vliyanie sotsial'nykh faktorov na funktsionirovanie i razvitie yazyka* [The influence of social factors on the functioning and development of language]. Edited by Yu.D. Desheriev and L.N. Krysin. Moscow: Nauka, pp. 5–40. (In Russian).
- Zalevskaya, A.A. and Medvedeva, I.L. (2002) *Psikholingvisticheskie problemy uchebnogo dvuyazychiya* [Psycholinguistic problems of educational bilingualism]. Tver: Tver State University. 194 p. (In Russian).
- Zakharova, A.E. and Maklashova, E.G. (2025) *Yazyk kak resurs vital'nosti korennykh malochislennykh narodov Yakutii (na materialakh sotsiologicheskikh issledovaniy)* [Language as a resource for the vitality of the indigenous small-numbered peoples of Yakutia (based on sociological research materials)], *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], no. 1(21), pp. 92–117. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-21-92-117>. (In Russian).
- Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 goda* [Results of the 1989 All-Union Population Census]. Available at: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/1989/>; <https://www.prilib.ru/section/682312> (Accessed: 11 March 2026). (In Russian).
- Krysin, L.P. (1968) *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Foreign words in contemporary Russian]. Moscow: Nauka. 284 p. (In Russian).
- Lobkovskaya, L.P. (2012) *O ponyatii mezh'yazykovoy omonimii (k probleme termina «lozhnye druz'ya perevodchika»)* [On the concept of interlingual homonymy (on the problem of the term “false friends of the translator”)], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 20(274), Philology and Art Studies, issue 67, pp. 79–87. (In Russian).
- Malakhovskiy, L.V. (1990) *Teoriya leksicheskoy i grammaticheskoy omonimii* [Theory of lexical and grammatical homonymy]. Leningrad: Nauka. 240 p. (In Russian).
- Obrazovatel'no-kul'turnyy tsentr NOTs «Institut Kayuma Nasyri» Kazanskogo federal'nogo universiteta* [Educational and cultural center “Kayum Nasyri Institute” of Kazan Federal University]. Available at: <https://kpfu.ru/philology-culture/ikn/obrazovatelno-kulturnyj-centr-v-g-tashkent/obrazovatelno-kulturnyj-centr-v-g-tashkent-423942.html> (Accessed: 11 March 2026). (In Russian).
- Predstavitel'stvo Respubliki Tatarstan v Respublike Uzbekistan* [Representative Office of the Republic of Tatarstan in the Republic of Uzbekistan]. Available at: <https://prtuz.tatarstan.ru/about.htm> (Accessed: 11 March 2026). (In Russian).
- Rakhmatullina, Z.Ya., Buskunbaeva, L.A. and Yagafarova, G.N. (2025) *Kul'tura rechi kak aktual'naya sotsial'naya potrebnost' v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Speech culture as a topical social need in modern Russian society]. In: *Kodovye pereklyucheniya v usloviyakh bashkirsko-russkogo dvuyazychiya (na materiale dialektnykh diskursov)* [Code switching in the context of Bashkir-Russian bilingualism (based on dialectal discourse)]. Edited by Z.Ya. Rakhmatullina. Ufa: IYAL UFITs RAN, pp. 5–14. (In Russian).
- Sagitov, R. (2021) *Chaykhana kak mesto obshcheniya predstaviteley vseh natsional'nostey i religiy, kak unikal'nyy kul'turno-etnograficheskiy fenomen v dele ukrepleniya mezhreligioznogo soglasiya* [Chaikhana as a place of communication for representatives of all nationalities and religions, as a unique cultural and ethnographic phenomenon in strengthening interreligious harmony]. Available at: <https://nuz.uz/2021/11/21/chajhana-kak-mesto-obshheniya-predstavitelej-vseh-naczionalnostej-i-religij-kak-unikalnyj-kulturno-etnograficheskiy->

- [fenomen-v-dele-ukrepleniya-mezhreligioznogo-soglasiya/](#) (Accessed: 11 March 2026). (In Russian).
- Sanakoeva, Z.G. (2022) Obzor ponyatiya «yazykovaya trevozhnost'»: opredelenie, klassifikatsiya, vliyanie, okazyvaemoe na izuchayushchikh inostranny yazyk [Review of the notion of “language anxiety”: definition, classification and its impact on foreign language learners], *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], no. 1(92), pp. 108–110. (In Russian).
- Sergeeva, M.O. (2024) Obzor sushchestvuyushchikh oprosnikov dlya opredeleniya urovnya vladeniya bilingvom vtorym (nerodnym) yazykom [Review of existing questionnaires for assessing bilinguals' proficiency in a second (non-native) language], *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], no. 4(20), pp. 161–177. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-20-161-177>. (In Russian).
- Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. (2006). Edited by V.Yu. Mikhailchenko. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. 312 p. (In Russian).
- Suleymanova, D.D. (2015) Tipologiya tyurkskikh (na primere tatarskikh i bashkirskikh) i baskskikh fonologicheskikh sistem [Typology of Turkic (based on Tatar and Bashkir) and Basque phonological systems], *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 6(48), part II, pp. 166–168. (In Russian).
- Tolkovyy slovar' tatarskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]. (2015–2021). In 6 vols. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Available at: <https://suzlek.antat.ru/indexR.php> (Accessed: 11 March 2026). (In Tatar).
- Khamidullin, B.L. (2018) Uzbekskie tatary: znamenitye prosvetiteli, pervye pechatniki i stroiteli-komsomol'tsy [Uzbek Tatars: famous educators, first printers and Komsomol builders]. Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/117588-istoriya-tatarskoy-diaspory-uzbekistana?ysclid=l2gc4oi2kr> (Accessed: 11 March 2026). (In Russian).
- Haugen, E. (1972) Yazykovoy kontakt [Language contact]. In: *Novoe v lingvistike* [New Trends in Linguistics], issue 6. Moscow: Progress, pp. 61–80. (In Russian).
- Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad. 432 p. (In Russian).
- Yartseva, S.V. (2025) «Spanglish» kak yavlenie yazykovoy interferentsii [“Spanglish” as a phenomenon of language interference]. Abstract of PhD dissertation. Tashkent. 50 p. (In Russian).
- Nguyen Van Hiep (2024) Sociolinguistic analyses of the Bru-Van Kieu language and script: usage and speakers' attitudes, *Sociolinguistics*, no. 4(20), pp. 9–27. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-8-20-9-27>.
- Sinner, C. (2001) Zur Terminologie in der Sprachkontaktforschung [On terminology in language contact research]. In: G. Haßler (ed.), *Sprachkontakt und Sprachvergleich*. Münster, pp. 125–152. (In German).
- O'zbek tilining izohli lug'ati: ikki tomli. 60 000 so'z va so'z birikmasi* [Explanatory Dictionary of the Uzbek Language: in two volumes. 60,000 words and word combinations]. (1981). Compiled by S.F. Akobirov, T.A. Aliqulov, S.I. Ibrohimov et al. Edited by Z.M. Ma'rufov. Moscow: Russkiy yazyk. Vol. 1, 632 p.; vol. 2, 715 p. (In Uzbek).

Маргарита Р. Галиева

Доктор филологических наук, профессор
кафедры лингвистики и английской
литературы,
Узбекский государственный университет
мировых языков,
Ташкент, Республика Узбекистан.

Адрес для корреспонденции:
100138 Республика Узбекистан,
г. Ташкент, ул. Кичик халка йули, д. 21-А.

Эл. адрес: margarita22@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4325-4612>

Margarita R. Galieva

Doctor of Philology, Professor at the
Department of Linguistics and English
Literature,
Uzbekistan State World Languages University,
Tashkent, Republic of Uzbekistan.

Correspondence address:
21-A Kichik xalqa yo'li Street,
Tashkent 100138,
Republic of Uzbekistan.

Email address: margarita22@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4325-4612>

Для цитирования: *Галиева М.Р.* Татарский язык в Узбекистане: особенности интерференции и факторы языкового сдвига // Социоллингвистика. 2026. № 2. С. 94–115. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-05

For citation: *Galieva M.R.* The Tatar language in Uzbekistan: peculiarities of interference and factors of language shift // Sociolingvistika. 2026. No. 2. Pp. 94–115. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-05

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 19.06.2025;
approved after reviewing 10.03.2026;
accepted for publication 30.06. 2026.